

RU

Обструкции как форма протестных акций воспитанников учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX в.

Ищенко О. В.

Аннотация. Цель исследования - определить основные характеристики обструкций как одной из форм выражения протеста студентов и учащихся Сибири в конце XIX – начале XX в. В статье дана характеристика содержания обструкций, определены основные причины обструкций, выявлены особенности их проведения на разных этапах развития движения воспитанников учебных заведений Сибири. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе обструкций как формы протестных акций. В результате определено, что обструкции имели объективные причины проведения, чаще использовались на начальном этапе движения воспитанников учебных заведений края, но с ростом его организованности эта форма протеста постепенно утрачивала свое значение.

EN

Obstructions as a Form of Siberian Students' Protest at the Turn of the XIX-XX Centuries

Ishchenko O. V.

Abstract. The paper analyzes obstructions as a form of Siberian students' protest at the turn of the XIX-XX centuries. The article describes the nature of obstructions, identifies their basic causes, reveals the peculiarities of their implementation at different stages of Siberian students' movement. Scientific originality of the study involves a comprehensive analysis of obstructions as a form of protest. The following conclusions are justified: obstructions were motivated by objective reasons, were most frequently used at the initial stage of Siberian students' movement, but as the students became more organized, this form of protest gradually lost its importance.

Введение

Воспитанники учебных заведений сегодня, как и сто с лишним лет назад, были и остаются одной из наиболее склонных к проявлению протеста социальных групп. Маргинальное положение молодежи, обостренное восприятие несправедливости общественного устройства, стремление к переменам определяют использование для достижения своих целей зачастую самых радикальных способов борьбы. Отсюда вытекает актуальность темы изучения обструкций как одной из наиболее ярких форм выражения протеста воспитанников учебных заведений. Поставленная цель исследования обусловила необходимость решения следующих задач: во-первых, охарактеризовать содержание обструкций как форм протеста; во-вторых, выявить причины и характер проводимых в учебных заведениях Сибири обструкций; в-третьих, определить сходство и различие обструкций студентов и учащихся края; в-четвертых, проследить динамику применения обструкций в учебных заведениях Сибири с конца 1890-х гг. до 1917 г. и оценить их результативность.

Методологической основой исследования стал системный подход, позволивший рассмотреть обструкции в качестве одного из элементов протестного движения воспитанников учебных заведений. Применение сравнительно-исторического метода дало возможность выявить сходство и различие обструкций, проводимых студентами и учащимися. Выделение основных этапов в использовании данной формы протеста было проведено на основе проблемно-хронологического метода.

Теоретическую базу исследования составили работы дореволюционных авторов и советских ученых, обращавшихся к анализу протестных действий студентов и учащихся (Знаменский, 1909; Образцов, 1912; Титлинов, 1924; Зайченко, 1960; Матвеев, 1966). Для характеристики современных взглядов исследователей на обструкции и их роль в движении воспитанников учебных заведений были использованы труды российских авторов (Иванов, 2004; Беленцов, 2005; Ватник, 2014; Демидова, 1996; Леонтьева, 1997; Посохов, 2008; Кострикин, 2009).

Источниковой базой исследования послужили материалы, попадавшие в распоряжение правоохранительных органов, протоколы заседаний советов учебных заведений, прокламации, письма и воспоминания самих участников движения студенческой и учащейся молодежи, материалы сибирской прессы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в процессе дальнейшего изучения движения воспитанников учебных заведений и применения исторического опыта при разработке основных направлений работы с молодежью.

Основная часть

Термин «обструкция», производный от лат. *obstructio* – преграда, помеха и часто встречающийся на страницах научной литературы, на сегодняшний день не имеет однозначного толкования. В медицине под обструкцией понимается преграда на пути движения воздуха или жидкости, мешающая нормальному функционированию организма. Применительно к социальной жизни в современных толковых словарях обструкция объясняется как индивидуальный или групповой протест, представляющий собой намеренный срыв собрания или заседания шумом, или произнесением длинных ненужных речей, применяемый чаще всего в парламентской борьбе (Ожегов, 1978, с. 399).

В среде воспитанников учебных заведений в конце XIX – начале XX в. обструкции, понимаемые как одна из форм протеста, были частым явлением, встречавшимся и в высшей, и в средней, и в низшей профессиональной школе. Обычно они выражались в срыве занятий путем создания условий, в которых невозможно было продолжать учиться. В студенческой среде обструкции шли рука об руку с объявленными забастовками и были направлены на недопущение в вузы желающих заниматься. В средних и низших заведениях, где учащиеся были менее идейны и сознательны, обструкции нередко представляли собой бунты с битьем окон, нанесением ущерба казенному имуществу и пр.

При этом в исследовательской литературе нет единства мнений по поводу того, какие конкретные действия стоит включать в состав обструкций. Так, по мнению И. Посохова, типичными формами обструкций в студенческой среде были срыв занятий шумом и криками, изгнание преподавателей из аудитории, оскорбление их, либо представителей учебной администрации словом или действием (Посохов, 2008). С. И. Беленцов, напротив, не включает в содержание обструкций физическое насилие по отношению к педагогам (Беленцов, 2005, с. 81). С. Знаменский, описывавший волнения учащихся в начале XX в., рассматривал только химические обструкции как дополнение к забастовкам учащихся (Знаменский, 1909, с. 14). Близкая к этой точка зрения высказана Е. В. Демидовой, по мнению которой химические обструкции включали в себя запуск петард и разливание пахучих жидкостей в школьных помещениях, но срыв занятий свистом и шумом исследователь к обструкциям не относит (Демидова, 1996, с. 125).

Анализ источников показывает, что сами участники протестных действий нередко делили обструкции на физические и химические (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1910, д. 59, ч. 81, лит. А, л. 44), относя к первым физическое воздействие на объект протеста, а ко вторым – распространение дурно пахнущих веществ для срыва занятий. При этом открытым остается вопрос, можно ли считать обструкцией оскорбление представителей педагогического персонала или учебной администрации, поскольку данное действие, хотя и было определенным выражением протеста, но носило не массовый, а индивидуальный характер. С другой стороны, подобный поступок отражал настроения, господствовавшие в среде учащихся, поэтому чаще всего получал их полную поддержку.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно определить обструкции как индивидуальные или коллективные действия воспитанников учебных заведений, ставящие своей целью открытое выражение протеста против чего-либо в условиях невозможности или нежелания действовать другими средствами. С помощью обструкций студенты и учащиеся стремились привлечь внимание к сложившимся проблемам, поскольку любой социальный протест свидетельствует о наличии серьезных противоречий в обществе и обусловлен социально детерминированными причинами и мотивами (Ким, 2008, с. 31). Недовольство условиями постановки образования и воспитания в учебных заведениях приводило их воспитанников к мысли о недовольстве политикой власти в целом (Ищенко, Магсумов, 2020, с. 261). Конкретные формы протестных акций во многом определялись качествами возрастной психологии молодежи, склонной к повышенной социальной взрывчатости, резкости и заостренности проявлений недовольства (Иванов, 2004, с. 286-287).

При этом следует учесть, что в большинстве своем обструкции имели характер хулиганских или даже преступных действий, поэтому важно учитывать их восприятие и оценку как в среде самих учащихся, так и в глазах общества.

Вовлечение воспитанников учебных заведений Сибири в общественное движение началось в последние годы XIX в., когда заметно увеличилось число учебных заведений в крае и возросло число учащихся в них.

Одна из первых обструкций в Томском университете состоялась 27 октября 1898 г. В ходе ее проведения шумом и криками была сорвана вступительная лекция на только что открывшемся юридическом факультете. Поводом к указанному инциденту послужил произошедший накануне конфликт студентов с инспектором, связанный с его требованием снять шапки в помещении университета (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 44, л. 1). Незначительность повода свидетельствовала о негативном отношении студентов к установленным правилам и стремлении бороться за свои попираемые права.

Более крупная обструкция, организованная томскими студентами, произошла в 1899 г. и была связана с Всероссийской студенческой забастовкой, начавшейся после избиения в Санкт-Петербурге студентов конной полицией. Столичное студенчество сразу же прекратило занятия, приняв резолюцию, в которой отмечалось: «Мы прекращаем хождение на лекции и, присутствуя в университете, препятствуем кому бы то ни было их посещать; каждый день устраиваем сходки и другими мерами, кроме насильственных, прекращаем нормальное течение университетской жизни. Продолжаем этот способ обструкции, пока не будут удовлетворены наши требования» (Кострикин, 2009, с. 119).

Этот призыв был поддержан и в Томске, где 24 февраля 1899 г. студенты университета объявили забастовку до полного удовлетворения требований своих товарищей. Резолюция содержала угрозу применения обструкции против тех профессоров, которые будут продолжать занятия. В результате она была приведена в действие не только против профессоров, но и против тех студентов, которые продолжали учиться (ГАТО, ф. 102, оп. 1, д. 201, л. 9; ф. 3, оп. 56, д. 642, л. 121).

Новый всплеск обструкций в томских вузах был связан с началом Всероссийской студенческой забастовки 1901 г., когда, как отмечалось в правительственных документах, «Томский университет и технологический институт примкнули к общеуниверситетскому обструкционистскому движению» (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 213, т. 8, лит. А, л. 1).

После жестокого разгона студенческой демонстрации 4 марта 1901 г. в столице на волне студенческих сходок в Томске для занятий был закрыт технологический институт, а в университете собравшаяся 9 марта 1901 г. сходка большинством голосов приняла решение о забастовке, поддержав при этом идею обструкции (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 125, т. 11, л. 16). Однако сходка 9 марта не носила общеуниверситетского характера, и среди студентов оказалось немало тех, кто хотели продолжать занятия. В этих условиях лекции в университете стали срываться криком и шумом, и после обструкции 14 марта 1901 г. распоряжением учебно-окружного начальства занятия в Томском университете были прекращены (ГАТО, ф. 102, оп. 1, д. 266, л. 8). Забастовка продолжалась и в Томском технологическом институте, где, согласно сведениям, поступавшим в министерство народного просвещения, студенческий комитет заставлял студентов ходить на сходки из опасения быть избитыми, а с возобновлением занятий сторонники обструкции препятствовали входу желающих учиться в учебный корпус (ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 1585г, л. 45).

Наступивший после завершения всероссийской студенческой забастовки некоторый спад студенческого движения был очевиден и в вузах Томска, однако в 1902 г. воспитанники томских высших учебных заведений попытались провести несколько обструкций, выразив недовольство Временными правилами создания студенческих организаций и угрожая при этом «насилием над своими товарищами и применением обструкции по отношению к профессорам» (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 150, т. 12, л. 22). Инспектор студентов Томского университета В. Григоровский писал по этому поводу: «Ошибочно было бы думать, что дух протеста и агитации в студентах угас. Сознание виновности в учиненных ими беспорядках, раскаяния в преступности этих беспорядков в откровенных с ними беседах не наблюдалось. Некоторые из обструкторов, по-видимому, даже были довольны сознанием участия в громком студенческом подвиге... К ним всецело примкнули своим сочувствием студенты-новички» (Зайченко, 1960, с. 77-78).

В 1903 г. обструкции в томских вузах получили еще более широкое распространение. После избиения томских студентов во время стихийной демонстрации 18 февраля 1903 г. в университете и технологическом институте прошли сходки, на которых развернулась борьба между сторонниками и противниками объявления забастовки (Ищенко, 2010, с. 262). В Томском университете решение о забастовке не было принято большинством голосов. В Томском технологическом институте по итогам сходки 28 февраля, напротив, было объявлено о начале забастовки и применении обструкции. Необходимость обструкции, по мнению советского ученого-историка М. И. Матвеева, вызывалась тем, что «академисты» и «политики»-либералы были против забастовки (Матвеев, 1966, с. 89). Однако и в технологическом институте противники забастовки составляли довольно внушительную часть контингента студентов. Поэтому в последующие дни занятия в томских вузах шли в условиях постоянных попыток прекратить их проведение, но, не добившись успеха в попытке сорвать занятия шумом и криками, сторонники забастовки перешли к более действенному, по их мнению, средству – химической обструкции.

10, 13 и 21 марта 1903 г. в аудиториях технологического института были разбиты склянки с сильно пахнущими веществами: изонитрилом и сероводородом. Большинству студентов из-за распространившегося запаха пришлось покинуть институт, но занятия официально не были прекращены (ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 1811, л. 231). Действовавший в то время в Томске «Комитет химической обструкции» в обращении от 30 марта 1903 г. писал: «Призываем томское студенчество продолжать забастовку до последней возможности» (Матвеев, 1966, с. 89). Однако подобные действия, представлявшие реальную угрозу жизни и здоровью людей, вызывали, скорее, отрицательную реакцию в студенческой среде, способствуя не продолжению, а прекращению забастовки.

Несколько иной характер в рассматриваемый период носили обструкции в средних и низших учебных заведениях края. Большинство исследователей к важнейшим факторам, оказывавшим влияние на формирование протестных настроений в среде учащихся, относит материально-бытовые условия их существования и недовольство школьным учебно-воспитательным процессом (Беленцов, 2005, с. 79; Ватник, 2014, с. 44; Ищенко, 2010, с. 50). При этом главным виновником всех проблем сами ученики зачастую считали ближе всего стоящее к ним учебное начальство, против которого были направлены стихийно возникавшие бунты.

Одним из первых подобных выступлений в средних учебных заведениях Сибири стала обструкция, проведенная 20 апреля 1898 г. в Омской центральной фельдшерской школе, где учащиеся разбили стекла в квартире директора. В качестве основных причин содеянного они называли тяжелые условия их жизни и быта, а также плохие отношения с педагогическим персоналом (БУ «ИсА», ф. 113, оп. 1, д. 3, л. 5, 30).

В декабре 1901 г. похожие события произошли в Томской ветеринарно-фельдшерской школе. Недовольство условиями обучения и грубое обращение с ними членов педагогического персонала привело сначала к «глухому брожению», выразившемуся в нарушении дисциплины, пререканиях с надзирателем и угрозах избития своих же товарищей, нежелающих участвовать в беспорядках, а затем к погрому, в ходе которого была уничтожена часть имущества школы (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 158, л. 2-5).

Нельзя утверждать, что подобные, откровенно хулиганские действия, были характерны только для сибирских учащихся. Например, воспитанники школ Санкт-Петербурга, согласно воспоминаниям бывшего реалиста Н. Яковлева, во время обструкций били стекла в своих учебных заведениях, «подсыпали в чернильницы карбит-кальций, от чего чернила пузырями лезли на парты, распространяя довольно едкий запах», разливали в классах дурно пахнущую жидкость (Яковлев, 1924, с. 19).

Производимые обструкции, бесспорно, привлекали внимание к существовавшим проблемам в постановке учебного и воспитательного дела, но одновременно они являлись демонстрацией сплоченности учащихся и угрозой для учебной администрации, поэтому чаще всего ответом на этот вызов было обострение репрессий (Ким, 2008, с. 41). В большинстве случаев активные участники беспорядков исключались из учебного заведения без права обратного поступления.

Весной 1901 г. волна обструкций прокатилась по духовным семинариям страны (Титлинов, 1924, с. 69). Причины массовых волнений в семинарской среде крылись, как и в светской школе, в тяжелых условиях жизни, быта и обучения. Поводом для них становились, по мнению Т. Г. Леонтьевой, «события незначительные: некачественная еда, дополнительное домашнее задание или придирчивый опрос, лишний экзамен» (Леонтьева, 1997, с. 33). Нередко ученические волнения начинались с обвинения соучеников или представителей педагогического персонала в доносах и шпионстве (Беленцов, 2005, с. 80).

В Сибири первыми выразителями общесеминарского протеста стали учащиеся Иркутской духовной семинарии, которые, считая трех своих соучеников доносчиками, 27 февраля 1901 г. сорвали спевку, после чего предъявили руководству учебного заведения ряд требований и отказались идти на занятия до их удовлетворения. Закрытие семинарии разделило ее воспитанников на тех, кто подал прошение об обратном приеме, и тех, кто желал бастовать до выполнения всех требований. С возобновлением занятий в апреле 1901 г. бывшие семинаристы, ворвавшись в классы, произвели химическую обструкцию, где свои же товарищи встречали их «со страхом, как избивателей» (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 125, т. 127, л. 2-9).

В Томской духовной семинарии подобные действия произошли в сентябре 1903 г., когда на волне недовольства действиями нового начальства несколько воспитанников разбили окна, поломали мебель и устроили пожар. 23 сентября после получения сведений об исключении одного из учащихся «ими была перерезана электрическая проводка и в темноте семинаристы устроили беспорядки: шумели и били стекла» (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 116, л. 4; ф. 124, оп. 12, д. 17-97, л. 1-2). В ноябре 1903 г. по сходным причинам обструкции были проведены в Красноярской духовной семинарии и Красноярском духовном училище (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 292, л. 3-6; ч. 287, л. 1).

Массовость и ожесточенность подобных действий свидетельствовали не только о наличии общих проблем в жизни воспитанников профессиональных школ, но и о том, что в силу низкого социального происхождения многими учащимися не были усвоены фундаментальные нравственные нормы, поэтому физическое насилие и жестокость воспринимались ими как естественные способы борьбы за достижение цели (Беленцов, 2005, с. 80).

Иной социальный состав учащихся в гимназиях порождал иной, если можно так сказать, более благородный вид обструкций, когда открытое нанесение оскорбления словом и действием не предполагало физического ущерба, но являлось показателем бесчестья. Именно такой характер носила обструкция в Читинской мужской гимназии, выразившаяся в «оскорблении действием» нескольких членов педагогического персонала. Поводом для нее стали введенные военным губернатором Забайкальской области И. П. Надаровым ограничения на допуск на губернаторский вечер в декабре 1902 г. учащихся-евреев. Протестуя против этого решения, гимназисты освистали педагогов, а директору и инспектору гимназии учащимися Ивановым и Николаевым были нанесены оскорбления словом и действием. Остальные протестовавшие ученики встретили эти поступки аплодисментами (ГАИО, ф. 63, оп. 1, д. 5, л. 31-36). Подобные события произошли весной 1903 г. в Иркутской мужской гимназии, где исключенный за нарушение дисциплины ученик 7 класса Понтович, как писалось в ученической прокламации, «дал плюху» инспектору Александровичу, причем «товарищи гимназисты поддержали Понтовича, выразив свистками во время молитвы ему сочувствие, а Александровичу – негодование» (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1898, д. 3, ч. 157, л. 7-8).

Революционные события 1905-1907 гг. привели к тому, что практически во всех высших учебных заведениях страны занятия были прерваны, поэтому активность вузовской молодежи и их проявления протеста проявлялись в других формах. В первый период революции, по сообщениям правоохранительных органов, на студенческих сходках в Томске «большинство отстаивало обструкции /и/ демонстрации» (БУ «ИсА», ф. 190, оп. 1, д. 61, л. 2). Студенты пытались использовать привычные приемы обструкций, о чем свидетельствует, например, подбрасывание колбы с дурно пахнущим веществом в помещение телеграфной конторы в дни октябрьских событий 1905 г. (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1905, д. 1350, ч. 2, л. 95-96).

С января 1905 г. до осени 1906 г. в томских вузах не было занятий, а попытки Министерства народного просвещения вернуть студентов в аудитории встретили отпор преподавателей, которые почти единодушно заявили, что чтение лекций для меньшинства студентов вызовет обструкции, а удаление обструкционистов полицией, вход по пропускам, преследование нарушителей порядка – «все эти меры восстановления учебных заведений... совершенно несовместимы с достоинством высшего учебного заведения» (ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 44, л. 276). Поэтому занятия в томских вузах восстановлены не были.

Общественное движение школьников в рассматриваемый период характеризовалось усилением асоциального поведения учащихся (Беленцов, 2005, с. 82). Педагог и политический деятель С. Ф. Знаменский, объясняя неизбежность школьных беспорядков в годы революции, писал: «Они были вызваны к жизни не злостью волей учащихся, но всей совокупностью тогдашних условий. Это был стихийный протест против дальнейшего существования разложившейся средней школы» (Знаменский, 1909, с. 14). И этот стихийный протест вылился в первую очередь в поддержку учащимися различных форм массового протеста, таких как демонстрации, митинги и забастовки. Частым явлением в этот период стало «снятие» учеников, которое выражалось в том, что ученики одной школы или гимназии, прекратив занятия, шли к другому учебному заведению и убеждали учащихся примкнуть к ним (Демидова, 1996, с. 131). В документах сохранились сведения о снятии с занятий в бурный период октября 1905 г. учащихся Томска, Красноярска, Тюмени и других сибирских городов (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1905, д. 1350, ч. 2, л. 95-96; ч. 23, л. 5; ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 1961, л. 2).

Во многих учебных заведениях края ученики вели себя так, как описывалось в протоколах заседаний педагогического совета Мариинского городского училища от 26 октября 1906 г.: грубили, не соблюдали дисциплины, пели революционные песни, избивали своих товарищей, отказывающихся подписывать петиции и заявления (ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 2124, л. 15). В Омском низшем механико-техническом училище учащиеся в 1906 г., начав с выражения недовольства учебной программой, перешли к более активным выражениям протеста: шумели, портили станки, устроили заграждение в мастерских и вывесили красную тряпку как флаг (БУ «Иса», ф. П-19, оп. 1, д. 100, л. 1-6).

Однако рост организованности ученического движения способствовал и обратному процессу – отказу от проявлений радикализма, что было характерно, например, для движения воспитанников духовных семинарий. Осенью 1905 г. руководители семинарского движения сменили тактику, решив воздержаться от «буйства», а действовать сплоченно, но спокойно: сначала подавать одинаковые петиции местному начальству для переправки их в Синод, а затем устраивать забастовки до выполнения требований. Эти способы борьбы, как отмечал Б. Титлинов, «очевидно подсказались развившимся политическим сознанием семинарских деятелей, понявших нерациональность дебошей, лишь дискредитирующих семинарское движение» (Титлинов, 1924, с. 96-97). Таким образом радикальный характер движения учащихся постепенно менялся на рационально-прагматический (Беленцов, 2005, с. 82).

После завершения революции и наступления периода политической реакции характер движения воспитанников высших учебных заведений изменился не сразу. С началом занятий в томских вузах возобновились сходки и несколько раз объявлялись кратковременные забастовки. Но эти забастовки уже не сопровождались обструкциями, поскольку в годы революции заметно повысилась организация студенческого движения, большую роль приобрели сформированные органы студенческого представительства, землячества и кружки, под маской которых нередко скрывались фракции политических партий (Ищенко, 2010, с. 355). В условиях спада студенческого движения даже участие томской вузовской молодежи во Всероссийской студенческой забастовке 1908 г. оказалось непродолжительным и к серьезным конфликтам в студенческой среде не привело.

Рост числа студенческих выступлений на академической почве стал заметен с 1910 г., когда недовольство студентов действовавшими учебными правилами достигло своего апогея. В конце ноября 1910 г. студенческая сходка приняла решение о забастовке в Томском технологическом институте. В декабре 1910 г. в вузе было распространено воззвание: «Товарищи! Не экзаменуйтесь! Будьте солидарны с большинством! Не вынуждайте срывания экзаменов!» (ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 110, л. 140). Как писалось в одном из студенческих писем: «Если академики добровольно не откажутся от экзаменов, то мы прибегнем к помощи как химической, так и физической обструкции» (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1910, д. 59, ч. 81, лит. А, л. 44).

Подобные события в это время происходили во многих высших учебных заведениях страны, а после избения студентов в Петербурге в январе 1911 г. была объявлена Всероссийская студенческая забастовка, к которой присоединились и томские вузы. Однако число сторонников забастовки было достаточно невелико, и, хотя она была объявлена, значительное количество студентов продолжало заниматься. Поэтому сторонники забастовки немедленно приступили к обструкции, выразившейся в попытке срыва занятий шумом, свистом, возгласами «стыдно» (БУ «Иса», ф. 190, оп. 1, д. 163, л. 21; ГАТО, ф. 102, оп. 1, д. 510, л. 19). «Обструкторы хлопали дверями, производили шум и мешали экзаменам, которые поневоле прекращались», а фамилии экзаменующихся заносились в издаваемый ими список «К позорному столбу» (Краткий очерк..., 1911, с. 89, 93).

Но поскольку число занимавшихся постоянно росло, сторонники забастовки решили прибегнуть к более радикальным мерам, т.е. химической обструкции. 7 февраля 1911 г. склянки с сильно пахнущей жидкостью были разбиты в здании Томского университета. 21 февраля 1911 г. в университете была проведена повторная обструкция, которая привела к возгоранию, но пожар удалось быстро погасить (Сибирская жизнь, 1911, 8 февр., 22 февр.).

Иная ситуация сложилась в Томском технологическом институте, где 21 февраля в одной из аудиторий была разбита «колбочка с вонючим веществом», а в чертежных и курительной комнате брошены колбы

с горючей жидкостью, воспламенявшейся при ударе. В большинстве помещений начавшийся пожар был сразу потушен, но в одной из чертежных очаг возгорания оказался рядом с вентиляционной трубой, по которой огонь проник на лестницу, в результате чего зданию был нанесен значительный ущерб (Сибирская жизнь, 1911, 22 февр., 24 февр.).

Сильный пожар в технологическом институте, ставший результатом «неумелой обструкции», был встречен взрывом негодования и в обществе, и в студенческой среде, поэтому забастовка в томских вузах была немедленно прекращена (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1911, д. 59, ч. 81, лит. Б, л. 17-19). При этом даже правоохранительные органы отмечали, что руководивший забастовкой стачечный комитет не давал распоряжения совершить поджог института (БУ «ИсА», ф. 190, оп. 1, д. 163, л. 52-53). К этому же мнению склонялась и либеральная газета «Сибирская жизнь», отмечавшая: «По сопоставлению разных обстоятельств в настоящее время и самые подозрительные люди склонны прийти к заключению, что лица, разбрасывавшие колбы с изонитрилом, не имели целью произвести пожар, а только газовую обструкцию» (Сибирская жизнь, 1911, 24 февр.).

Однако представители черносотенных кругов немедленно использовали факт поджога для обвинений радикально настроенной части студенчества в сознательном совершении преступных деяний (Образцов, 1912, с. 8). Такого же мнения придерживался и попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьев, утверждавший, что «обструкционеры решили сжечь институтские здания» для прекращения занятий в институте (Краткий очерк..., 1911, с. 107). Много позже в своих воспоминаниях очевидец событий академик В. А. Обручев, напротив, обвинял попечителя в том, что студенты прибегли к таким крайним мерам: «Несмотря на объявленную студентами забастовку, попечитель учебного округа лично приходил в институт и понуждал профессоров читать лекции в аудиториях, в которые являлись одиночные штрейкбрехеры... Настояния попечителя повлекли за собой химическую обструкцию, вызвавшую пожар» (История Томского..., 1975, с. 136). Следует отметить, что и сам Лаврентьев стал жертвой студенческой обструкции во время своего визита в технологический институт 19 января 1911 г., где он был освистан студентами за оскорбление профессоров (ГАРФ, ф. ДП. ОО, 1910, д. 59, ч. 81, лит. Б, л. 72-73).

В средних и низших учебных заведениях края после завершения революции обструкции становятся достаточно редким явлением, сохраняя при этом свой бунтарский характер. Например, 20 октября 1907 г. часть учащихся Томской мужской гимназии провела фактическую забастовку, не придя на занятия, а другая часть шумом пыталась мешать их проведению (Сибирская жизнь, 1907, 24 окт.). Поводом для этого послужило прекращение занятий в других учебных заведениях города в память событий черносотенного погрома 1905 г.

В феврале 1911 г., недовольные условиями проживания в интернате воспитанники учительской семинарии в с. Павловском Томской губернии во время беспорядков испортили часть имущества учебного заведения (РГИА, ф. 733, оп. 178, д. 1, л. 22-23). В ноябре 1914 г. в Тобольской духовной семинарии воспитанники устроили волнения, высказав недовольство обедом, после чего шумной толпой явились к ректору, с которым вступили в пререкания. Далее учащимися были совершены традиционные для сторонников обструкции акты: выбиты окна в квартирах представителей учебной администрации и проведены хулиганские действия в отношении преподавателей (ГАРФ, ф. ДП. 4 д-во, оп. 123, д. 76, ч. 5, л. 1-3).

Как и ранее, важным мотивом выступлений учащихся было их недовольство непосредственно учебными правилами или постановкой преподавания. Так, большой резонанс в Сибири получили события в Нерчинском реальном училище, где 20 февраля 1912 г. ученик 5 класса Глухих «нанес оскорбление действием» двум учителям (ГАРФ, ф. ДП. 4 д-во, 1912, д. 21, ч. 5, л. 1). В воспоминаниях бывшей гимназистки г. Енисейска описан эпизод устроенного ученицами старших классов в 1915-1916 учебном году бойкота преподавателю математики: «...с ним не вступали в беседы, не отвечали, когда вызывал, в течение всего урока смотрели на него в упор с презрением, встречали его почти каждый раз заунывным пением». Попытки начальницы увещевать девушек привели к фактическому срыву урока: «Мы им доказывали, бросали истеричные выкрики о том, что... нам не нравится обращение с нами педагогов, методы преподавания и пр. Так мы и не поняли друг друга и ни до чего не договорились» (РГАЛИ, ф. 1785, оп. 1, д. 171, л. 3-4).

Таким образом, оценивая результаты обструкций, проводимых воспитанниками учебных заведений Сибири, следует отметить их двойственный характер. Как и любые проявления протеста, обструкции, с одной стороны, воздействовали на сложившуюся систему дисфункционально, вызывая дестабилизацию в обществе (Ким, 2008, с. 49). С другой стороны, они играли важную роль в процессе консолидации молодежи, которая посредством обструкций привлекала внимание власти и общественности к реально существующим проблемам. Тем не менее совершение в ходе обструкций действий, осуждаемых и законом, и моралью, привело к тому, что с ростом сознательности и организованности движения воспитанников учебных заведений края эта форма выражения протеста практически прекратила свое существование.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

К настоящему моменту в научной литературе не сложилось однозначного понимания того, что входит в понятие обструкции. По нашему мнению, в узком смысле под обструкцией следует понимать срыв занятий в учебных заведениях посредством распространения дурно пахнущих веществ (химическая обструкция). В широком –

создание препятствий нормальному проведению учебных занятий различными способами для публичного выражения своих требований.

Основные причины обструкций, проводимых воспитанниками учебных заведений Сибири в конце XIX – начале XX в., носили объективный характер и были связаны с общим недовольством студентов и учащихся своим положением. Самые крупные обструкции в томских вузах были проведены в период Всероссийских студенческих забастовок, в ходе которых выдвигались единые для всего студенчества требования.

Обструкции в учебных заведениях края заметно различались по формам их проведения. В высшей школе Сибири преобладали химические обструкции и срыв занятий шумом и криками. В средних и низших профессиональных учебных заведениях – бунты и погромы своих учебных заведений. Воспитанники средних общеобразовательных школ наносили бесчестье ненавистным педагогам. Выбор форм обструкций свидетельствовал об уровне развития воспитанников учебных заведений и их происхождении из определенной социальной среды.

Проводимые в сибирских учебных заведениях обструкции должны были привлечь внимание власти и общества к существующим проблемам, но их восприятие внутренней и внешней средой носило неоднозначный характер. Проводимые обструкции, с одной стороны, сплачивали их участников, с другой – раскалывали воспитанников учебных заведений, объективно ослабляя их движение. Общественные оценки обструкций колебались от сочувствия до откровенного неприятия.

Результатом обструкций чаще всего было усиление репрессий, проявлявшееся в исключении их участников из учебных заведений, но в то же время и администрации учебных заведений, и органам государственной власти приходилось корректировать политику, проводимую в отношении школы.

С ростом организованности движения студентов и появления в этой среде представительных органов, легальных кружков, организаций политических партий, такая форма протестных акций, как обструкция, постепенно теряла свое значение. В средней и низшей школе учащиеся не добились выполнения основной массы своих требований, поэтому разрозненные обструкции в этой среде сохранялись.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении исторического опыта движения воспитанников учебных заведений силами историков, социологов, педагогов, психологов и использовании полученных результатов при анализе современного состояния молодежного движения.

Источники | References

1. Беленцов С. И. Радикализм учащейся молодежи: взгляд в историю // Педагогика. 2005. № 7.
2. Ватник Н. С. «..Я хочу бороться с ним»: к истории протестных настроений учащихся средних учебных заведений России начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
5. Государственный архив Томской области (ГАТО).
6. Демидова Е. В. Ненасильственная компонента революции 1905 года // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки. М.: Аслан, 1996.
7. Зайченко П. А. Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880-1955). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960.
8. Знаменский С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905-1906 г. и их значение. СПб., 1909.
9. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX - начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004.
10. Исторический архив Омской области (БУ «ИсА»).
11. История Томского политехнического института в документах. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. Т. 1. 1896-1917. Сборник документов и материалов.
12. Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX - начало XX в.) Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010.
13. Ищенко О. В., Магсумов Т. А. Вовлечение учащейся молодежи в протестное движение в России на рубеже XIX-XX вв. Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 55 (1).
14. Ким С. Г. Социальный протест как предмет историко-антропологического исследования // Проблемы истории и исторического познания: сборник научных статей / ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
15. Кострикин А. В. Студенческая революция 1899 года: к 110-летию событий // CredoNew. 2009. № 4.
16. Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института императора Николая II на поприще «освободительного движения»: 1901-1911 гг. Томск: Типография губернского управления, 1911.
17. Леонтьева Т. Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.
18. Матвеев М. И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966.
19. Образцов В. Подкуп и провокация - источники университетских беспорядков. Харьков, 1912.
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978.

21. Посохов И. Студенческие обструкции в университетах Российской империи (XIX - нач. XX в.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2008. № 11.
22. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
23. Российский государственный исторический архив (РГИА).
24. Сибирская жизнь. 1907.
25. Сибирская жизнь. 1911.
26. Титлинов Б. В. Молодежь и революция (из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений 1860-1905 гг.). Л., 1924.
27. Яковлев Н. Из воспоминаний реалиста // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Л.: Государственное издательство, 1924. Сборник 1. Из истории революционного движения учащихся средних учебных заведений Петербурга. 1905-1917 гг.

Информация об авторах | Author information

Ищенко Оксана Владимировна¹, д. ист. н., доц.

¹ Сургутский государственный университет

Ishchenko Oksana Vladimirovna¹, Dr

¹ Surgut State University

¹ iovf@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): студенты; учащиеся; Сибирь; протест; обструкции; students; pupils; Siberia; protest; obstructions.